

ДОМИК
НА ВОЛГЕ

ПОВЕСТЬ

I

Ночной курьерский поезд пролетел последнюю сотню верст до С. – одного из приволжских губернских городов. Огни в деревнях были давно потушены, и вся необозримая поляна волжского побережья превратилась в одно сплошное море мрака. Утонули в нем поля, луга; утонули черные громады лесов; утонули деревни.

Как большие муравьиные кучи, стояли рассыпанные то там, то сям группы низеньких изб с высокими соломенными крышами, – убогим жильем поволжского крестьянина. На задах, поодаль от жилья, стояли другие, более правильные кучи скирд только что убранного хлеба, которые в темноте можно было принять за деревню, а деревню за скирды. Луна еще не всходила.

Легкий ночной ветерок, дувший с могучей реки, лениво гнал серые тучи, которые заволакивали небосклон, не давая звездному лучу проникать их густую ткань.

Моросил мелкий дождь. Запоздавший торговец, возвращавшийся из города, едва видел извилистую дорогу и, бросив вожжи, предоставил коню самому отыскивать путь. И умный конь шел твердой поступью, косясь от времени до времени на низенькое, едва поднимавшееся над поверхностью земли полотно железной дороги, которое прошло по этой зеленой пустыне.

Тонкие, блестящие и ровные как стрела рельсы на широких шпалах, вонзившиеся обоими концами в непроницаемый мрак, уже жужжали неслышно для человеческого уха, предвещая приближение поезда. Где-то, в бесконечной дали, раздался мягко и протяжно свист локомотива. Конь мотнул ушами и фыркнул, нюхая воздух. Хозяин подобрал вожжи, понемногу сворачивая в сторону. Прошло несколько минут, и на горизонте показались два огненных глаза. Ближе, ближе. Рельсы задрезбужали, и вскоре, кокетливо скользя по гладкому пути, как конькобежец по льду, вихрем пронесся в клубах дыма грохочущий поезд, осветив на минуту поляну и бросая багровое зарево на низкие облака, засматривавшие сверху в его огненную утробу. Было что-то праздничное, ликующее в этом длинном ряде ярко освещенных подвижных палат, которые без усилия, точно по мановению волшебного жезла, неслись мимо спящих деревень, черных полей и лесов, смеясь над пространством, над мраком и непогодой. Так глядит снаружи сверкающий огнями и позолоток балльный зал, когда гремит оркестр и разодетые пары мелькают в зеркальных окнах. И зритель, стоящий в темноте и на холоде, невольно думает тогда о счастье, веселье, довольстве. Но на балах часто льются невидимые слезы, и в этом летучем дворце разыгрывалась в эту минуту тяжелая драма.

В отдельном купе первого класса в одном из передних вагонов сидело трое пассажиров. Двое было военных – в них по синим мундирам с белым прибором легко можно было узнать жандармов. Третий был штатский – молодой человек, насколько можно было судить по тонкой, стройной фигуре, русой курчавой бородке и усам, видневшимся из-под надвинутой на лицо шляпы.

Один из жандармов спал, растянувшись на скамейке. Другой, неестественно выпрямившись, сидел в углу и делал отчаянные усилия, чтобы преодолеть сон. Однако от времени до времени он клевал носом, и тогда он энергично встряхивался и строго посматривал на молодого человека. Это, очевидно, был конвоируемый ими политический арестант.

Прислонившись к углу и вытянув наискось ноги, тот, по-видимому, крепко спал. Грудь его поднималась медленно и равномерно, и тихое сонное дыхание слышно было в промежутках между лязгом поезда.

Но если бы кто-нибудь неожиданно заглянул под широкие поля его войлочной шляпы, то увидел бы пару серых глаз, исполненных такого жгучего, напряженного внимания, которые ясно показывали, что молодому человеку было не до сна. В голове его созрел план побега, – дерзкий, отчаянный план, – и теперь его участь зависела от того, заснет или нет этот неуклюжий краснорожий жандарм. Из-под надвинутой на брови шляпы он не переставал ни